УДК 821.161.1 DOI: 10.17238/issn1998-5320.2020.14.2.1

Г. В. Косяков[1]
[1]Омская гуманитарная академия, г. Омск, Российская Федерация

Мотив полета души в лирике М. Ю. Лермонтова

Аннотация. Исследование посвящено изучению проблем художественной онтологии и антропологии лирики М. Ю. Лермонтова, концепта бессмертной души в контексте магистральной антитезы земного и небесного миров и стремления её преодолеть. Цель статьи – комплексное изучение вариантов мотива полёта души как значимого структурного компонента центральных сюжетов, мирообраза вселенной в творчестве Лермонтова. Исследование проводится на основе историко-литературного, культурно-исторического, историко-генетического методов, методик целостного и мифопоэтического анализа. Результаты заключаются в раскрытии новаторства Лермонтова в развитии мотива полета души, его связи с мотивными комплексами неразделённой любви, эоловой арфы, мотивом сошествия в могилу. Статья расширяет представления о своеобразии композиции, сюжетостроения, хронотопов лирических текстов Лермонтова, о лексическом и синтаксическом воплощении мотива духовного полёта. Делаются выводы, что мотив полёта души раскрывает индивидуальное художественное осмысление Лермонтовым архаических мифологических и христианских представлений о духовной субстанции. Мотив полёта души в лирике русского романтика раскрывает его представления об этических ценностях веры, надежды, любви, об абсолютном идеале полноты бытия, о национальном концепте воли.

Ключевые слова: сюжет, мотив, концепт, хронотоп, мифопоэтика, религиозность, романтизм, душа·
Дата поступления статьи: 11 мая 2020 г.
Для цитирования: Г. В. Косяков (2020). Мотив полета души в лирике М. Ю. Лермонтова // Наука о человеке: гуманитарные исследования. Т. 14. № 2. С. 6–12. DOI: 10.17238/issn1998-5320.2020.14.2.1

Проблема и цель. Современное отечественное литературоведение обращено к изучению проблем художественной онтологии, антропологии и метафизики русской классической литературы, её концептосферы. Ключевыми онтологическими основаниями романтической картины мира являются представления об универсуме, о единстве макро- и микрокосмоса. Концепт бессмертной души в русской романтической поэзии соединяет разнообразные культурные контексты: фольклорный, античный, христианский, а также широкий спектр литературных и философских традиций. Данный концепт раскрывает национальные представления о внутреннем мире человека, о физической смерти, о бессмертии, о мироздании, об этических ценностях свободы, покоя, любви, об абсолютном этико-эстетическом идеале [1]. Изучение художественной концептосферы, мифопоэтики и религиозности творчества М. Ю. Лермонтова (1814–1841) представлено в работах таких современных литературоведов, как: Э. М. Афанасьева, О. П. Евчук, И. А. Киселева, Г. В. Москвин, Л. А. Ходанен. В частности, Г. В. Москвин раскрывает процесс преодоления в раннем творчестве русского романтика «стилевого романтического стереотипа в отношениях земля – небо» [2, с. 113]. Целью данной статьи является комплексное изучение развития вариантов мотива полёта души как значимого структурного компонента центральных сюжетов, оппозиции «земля – небо» в творчестве Лермонтова. Статья расширяет представления о своеобразии сюжетостроения, хронотопов, композиции лирических текстов Лермонтова.

Методология. В статье использованы разнообразные традиционные и современные методы литературоведения: историко-литературный, культурно-исторический, историко-генетический, структурно-семиотический, мифопоэтический. В работе также применяется методика целостного анализа художественного текста.

Результаты. В русской романтической поэзии концепт души мифопоэтически соотносится с огненной, водной и воздушной стихиями, отражая архаические индоевропейские верования и христианские религиозные представления. Сравнение души с птицей утверждает в псалмах упование человека на освобождение от мира, лежащего во зле: «Душа наша избавилась, как птица, из сети ловящих…» (Пс. 123: 7). Птицы небесные в текстах Священного Писания символизируют евангельский этический идеал, Царствие Небесное: «<…> как птица птенцов своих под крылья» (Лук. 13: 34). А. Л. Калашникова указывает: «Несомненно, одним из устойчивых признаков душевной сущности является способность воспарять над миром, отрешаясь от земного пространства» [3, с. 77]. Образ крылатой души в творчестве русских романтиков утверждает ее свободу от физических законов земного мира, физической смерти, стремление к полноте бытия, молитвенное горение и вдохновение: «Носись душой превыше праха...» (Н. М. Языков «Землетрясение», 1844); «Взлетишь к небесам без усилья…» (В. К. Кюхельбекер «Счастливицы вольные птицы…», 1846). В творчестве русских поэтов душа метафорически соотносится с различными птицами: орлом, лебедем, жаворонком, голубем, соловьем, ласточкой [4]. Метафорическое сближение души и птицы, оформляя онтологическую вертикаль, в русской романтической поэзии утверждает благоговение души перед величием мироздания и его Творца.

В лирике Лермонтова также широко представлены образы птиц: сокола («Два сокола», 1829), коршуна («1831-го июня

11 дня»; «Три пальмы», 1839), ворона («Желание», 1831). Метафорически с душой в творчестве поэта часто соотносится абстрактный образ птицы. Так, в элегии Лермонтова «Надежда» (1831) аллегорический образ «птички рая» наделён яркими колористическими деталями («лазурь небес», «пурпур», «пыль золотистая»), которые, наряду с повтором «сладко, сладко» и образным рядом песни, звука, раскрывают силу благодатного просветления души лирического героя, чувствующего сопричастность горнему миру, раю сладости. Несмотря на представленные в образности аллегорической элегии антитезы дня и ночи, мук и забвения, бури и тишины, она проникнута пафосом утверждения, на что указывает и бытийный зачин текста «есть». В лирике Лермонтова в контексте развития магистральной антитезы дольнего и горнего миров земная сфера соотнесена прежде всего с физическими законами и силами, пространством и временем, телесностью и чувственностью, конечностью и мраком: «Как страшно жизни сей оковы...» («Одиночество», 1830). В творчестве Лермонтова душа уже в земном мире чувствует свободу от физических законов, пространства, времени. В этой связи метафорическое сближение души и птицы в лирике поэта соотнесено с мотивом освобождения из темницы (земного мира как темницы), с национальным концептом воли: «И, как божие птички, вдвоём...» («Соседка», 1840); «В небе играют всё вольные птицы...» («Пленный рыцарь», 1840). В творчестве Лермонтова отражено также евангельское понимание Царствия Небесного, благодати, сопричастности раю: «Как птицы, даром божьей пиши» («Пророк», 1841).

Магистральным в лирике Лермонтова служит мотив духовного полёта как один из вариантов развития мотива странничества. В лирике Лермонтова мотив полёта бессмертной души, духа развивается в 7 основных вариантах:

1) полёт души до и после её земного воплощения: «Ночь. I» (1830), «Смерть» («Ласкаемый цветущими мечтами...», 1830–1831), «Ангел» (1831), «Из Паткуля» (1831);

2) поглощение человеческого духа вечностью, забвением: «Смерть» («Закат горит огнистой полосою...», 1830);

3) прощальный полет души героя к родным местам в преддверии или после физической смерти: «Дереву» (1830), «Умирающий гладиатор» (1836), «Воздушный корабль» (1840), «Последнее новоселье» (1841);

4) полет души лирического героя на родину предков – в Шотландию: «Гроб Оссиана» (1830), «Желание» («Зачем я не птица, не ворон степной...», 1831);

5) свидание души (духа) лирического героя с возлюбленной после физической смерти: «Настанет день – и миром осужденный...» (1831), «Любовь мертвеца» (1841);

6) духовное парение души во время сна, воспоминания, мечты, поэтического вдохновения, медитации или молитвенного предстояния: «Farewell» (1830), «Как часто, пёстрою толпою окружён...» (1840);

7) духовное освобождение из темницы: <М. П. Соломирской> (1840).

Рассмотрим на материале лирических текстов русского романтика развитие каждого из вариантов данного мотива.

1. В драматическом стихотворении Лермонтова «Ночь. I» лирический герой в состоянии мистического сна переживает опыт физической смерти, загробного странствия, наказания бессмертной души и воскресения, соотнесенного с финальным пробуждением. Если в «Гимнах к ночи» Новалиса (1800) предвосхищается желанное вознесение души в горний мир, то в произведении русского романтика душа, хотя и освобождается от «оков телесных», переживает чувство бесприютности и страха за пределами земного мира, совершая стремительный полет:

Боязненное чувство занимало
Её; я мчался без дорог; пред мною [5, с. 83].

Загробный мир предстаёт не сферой блаженства, а тусклым пространством. Мотив полёта души синтаксически оформляется при помощи анжамбеманов, повтора глагола «летел, летел».

«Я» лирического героя представлено шире духовной субстанции, которая сохраняет связь с земным прошлым и оценивает происходящее с позиции чувственного опыта. Загробный мир, как и мир души, характеризуется дисгармоничностью, конфликтностью. Кульминационным этапом полёта служит встреча души с апокалиптическим образом «светозарного ангела», возвещающим ей приговор – вернуться в земной мир. Приговору ангела предшествует напряженная рефлексия души, оценивающей прожитую земную жизнь, внутренний суд. Лирический сюжет, включающий мотивы загробного странствия души в воздушной сфере, приговора и наказания, созвучен православным представлениям о мытарствах души, частном приговоре в преддверии эсхатологического суда: «Пока придет спаситель – и молись...». Хронотоп текста резко сужается: «бездушное пространство», «край земной», «узкий гроб», Образность произведения включает художественные детали, обращающие к христианским представлениям о муках ада: «огнем отчаянья», «червяк», «блеснула мысль (творенье ада)». Душа с позиции вечности обостренно воспринимает греховность собственной земной жизни и жизни ближних:

Где грех с вином кипел – воспоминанье
В меня впилось когтями, – я вздохнул [5, с. 84].

Метафоры в приведенном фрагменте раскрывают страстность мироощущения бессмертной души, обостренность ее страдания и наказания. Бессмертная душа чувствует связь с физическим телом: «терзало судорожной болью», «припадал на бренные останки». Мучительное зрелище разлагающегося трупа становится основой для воззвания души из бездны, которое созвучно ветхозаветной традиции псалмов: «В тесноте моей я призвал Господа и к Богу моему воззвал» (Пс. 17: 7). Финал произведения Лермонтова созвучен «Книге Иова», где тленность предстает главной онтологической характеристикой людей, «которых основание прах, которые истребляются скорее моли» (Иов. 4: 19). Напряженное страдание становится основой зреющей «хулы» как напряженной формы молитвенного предстояния, богообщения, что также созвучно воззванию Иова к Творцу.

В драматическом стихотворении Лермонтова «Смерть» («Ласкаемый цветущими мечтами...») усложнение композиции, сюжета, хронотопа, введение новых образов свидетельствуют о художественной эволюции поэта в развитии мотива духовного полета. Лирический герой переживает несколько пограничных состояний, «обмираний» и «воскресений», попадая в различные сферы мироздания. Бессмертная душа сохраняет связь с чувственным мироощущением, с земным миром, о чем свидетельствует «тягость» ее полета. Если в момент физической смерти душа стремится освободиться от телесных оков, то в дальнейшем она обостренно переживает утрату того мира, где она искала «самопознанья», в том числе в любви, где она через конечное постигала бесконечное. Образность произведения созвучна эсхатологической христианской традиции, ср.:

Вдруг предо мной в пространстве бесконечном
С великим шумом развернулась книга
Под неизвестною рукой [5, с. 302].

«<…> и иная книга раскрыта, которая есть книга жизни; и судимы были мертвые по написанному в книгах, сообразно с делами своими» (Отк. 20: 12).

Душу приводят в отчаяние разложение физического тела, превращение его в прах, утрата надежды на спасение. Стремительный полет души сопровождается напряженной рефлексией: «Все было мне так ясно и понятно». Автор раскрывает изменения, происходящие в миросозерцании души и в окружающем ее пространстве: «И опустело небо голубое». Состояние души можно определить как метафизическое одиночество: «Ни ангел, ни печальный демон ада...». Бытие в форме бесплотного духа не достаточно для лирического героя, который утверждает идеал полноты бытия. Мотив полета души сменяется мотивом сошествия в могилу, метафорически соотнесенной с адом. Зреющая хула как наряженная форма богообщения сменяется еще одним «обмиранием» («замер голос мой») и финальным пробуждением-воскресением.

В произведении Лермонтова «Ангел», которое традиционно связывается с традициями платонизма, душа мистически припоминает полет, предшествующий ее земному воплощению. В. Асмус, рассматривая данный лирический текст, указывает, что это «единственное стихотворение, близко примыкающее к трансцендентизму платоновского мифа» [6, с. 109]. В элегии представлен мирообраз гармоничной и одухотворенной вселенной, славящей своего Творца:

И месяц, и звезды, и тучи толпой
Внимали той песне святой [5, с. 239].

Мирообраз вселенной характеризуется соборностью. В этом лирическом тексте собраны воедино образы, которые в поэзии русского романтика связаны с сакральной сферой рая: «ангел», «тихая песня», «звезды», «звук». Образ души возникает лишь в третьей строфе: художественные определения «младая», «молодая» применительно к ней раскрывают изначальную сопричастность горнему миру, чистоту и полноту миросозерцания до воплощения в земной мир. В произведении развивается антитеза горнего и дольнего миров: «кущи райских садов» – «мир печали и слез», «звуки небес» – «скучные песни земли». Однако данная антитеза, во-первых, не имеет абсолютного характера, во-вторых, характеризует лишь земной этап метафизической судьбы бессмертной души.

Хронотоп лирического текста отличается сужением художественного пространства. Мотив полета души развертывается в нисходящем варианте: душа совершает полет из горнего мира в земной. Особенностью хронотопа текста является также то, что земной мир, временное обрамляются вечным. Все глаголы имеют форму прошедшего времени: земная жизнь бессмертной души на этапе преддверия предстает уже завершенной: «И звуков небес заменить не могли...». Невыразимое воспоминание о горней родине, о вечности, об абсолютном идеале придает бессмертной душе в земном мире полноту миросозерцания, выражая на уровне микрокосмоса соборность макрокосмоса: «Желанием чудным полна». Именно в душе происходит восходящее устремление к горнему миру в рамках земного мира, неспособного утолить томление бессмертной души.

Лирический фрагмент Лермонтова «Из Паткуля», традиционно рассматриваемый в контексте вольнолюбивой проблематики, завершается сравнением, которое раскрывает освобождение духа от любых форм духовного и социального зла в земном мире: «И вьется, как дым над железною крышей!». Образная конкретизация мотива парения духа осуществляется не при помощи традиционного сравнения с птицей, а за счет соотнесения с дымом. Мотив духовного полета в данном произведении развивается прежде всего в социально-политическом, этическом дискурсах. Вера в бессмертие придает лирическому герою прочную этическую и гражданскую позицию.

2. В «Отрывке» («На жизнь надеяться страшась...», 1830) Лермонтова представлен образ «вихря», уносящего грешный человеческий дух в сферу забвения и вечности. По принципу резкой ценностной антитезы с образом наказанного человеческого рода соотносится новый «рай земли», где восстанавливаются утраченная чистота, естественность, единство горнего и дольнего миров. В элегии Лермонтова «Смерть» («Закат горит огнистой полосою...») возникает схожий мотив поглощения духа вечностью: «Мой дух утонет в бездне бесконечной!..». Данное образное представление созвучно поэтической традиции Г. Р. Державина («Река времен в своем стремленьи...», 1816).

3. В ранней лирике Лермонтова возникает вариант развития мотива полета души как ее возвращения к тем местам, которые были значимыми для лирического героя. В мотивный комплекс души включается образ гения, наделенный охранительной функцией: «Мой гений веки пролетит...» («Дереву»). Данное образное представление широко представлено в лирике русских романтиков: В. К. Кюхельбекер «К моему Гению» (1818), В. А. Жуковский «К мимопролетевшему знакомому гению» (1819).

Стихотворение Лермонтова «Умирающий гладиатор» навеяно поэмой Д. Г. Байрона «Паломничество Чайльд-Гарольда», на что непосредственно указывает эпиграф. Данный текст

Лермонтова является своеобразной творческой лабораторией, предвосхищающей создание произведения «Смерть Поэта» (1837). Данные произведения близки композиционно, органичным соединением сатирического, одического и элегического дискурсов. Элегический дискурс стихотворения «Умирающий гладиатор» возникает благодаря мотиву полета души героя в преддверии смерти к родным местам. Семантика полета, калейдоскопичность ярких зрительных впечатлений воплощаются во фрагментарной форме:

Мелькают, – близок час... вот луч
воображенья [5, с. 403].

Духовный полет на родину оформляет антитезу извращенной цивилизации и природы, дома, семьи. Произведение завершается историософским обобщением о закате западноевропейской культуры, обращенной к своим духовным истокам.

Мотив духовного возвращения на родину, к близким местам в лирике Лермонтова связан с поэтической темой Наполеона, которая была магистральной на протяжении всего его творчества. В балладе «Воздушный корабль» в отличие от произведений, посвященных теме Наполеона в ранней лирике русского романтика («Наполеон» («Где бьет волна о брег высокой...», 1829), «Наполеон» («В неверный час...», 1830), «Эпитафия Наполеона» (1830), «Св. Елена» (1831), возникает не безликая тень, не условный образ, а конкретный портрет, наделенный внешними художественными деталями («треугольная шляпа», «серый походный сюртук», «скрестивши могучие руки») и подвижным внутренним миром («сердце трепещет»). Лермонтов объективированно изображает переживания героя через их внешние проявления, действия («очи пылают огнем», «топнув о землю ногою», «капают горькие слезы», «махнувши рукою»). Мотив полета души в балладе конкретизируется благодаря и образу корабля. Сохраняя доминантную характеристику мотивного комплекса Наполеона – трагическое одиночество исключительной личности, Лермонтов стремится раскрыть внутреннюю историчность личности Наполеона, включив ее в контекст истории Франции и Европы: «Другие ему изменили...».

В новом поэтическом ракурсе мотив духовного полета представлен в произведении Лермонтова «Последнее новоселье», где образ Наполеона включен в контекст политической сатиры, историософских размышлений автора. Элегический образный контекст финальной части произведения («святая тишина», «в своей пустыне») усиливает трагический образ исключительной и одинокой личности Наполеона, отвергающей посмертное политическое возвеличивание: «И если дух вождя примчится на свиданье...». Для духа более значимым становится «знойный остров», окруженный «великим океаном», созвучный ему. Мотив полета души Наполеона к Франции приобретает противоположную направленность в системе ценностных оппозиций текста, качественно изменяя сформировавшийся в лирике поэта комплекс мотивов и образов.

4. В элегии «Гроб Оссиана» Лермонтова возникает достаточно лаконичный северный пейзаж, созвучный традициям оссианизма: «Под занавесою тумана...». Хронотоп лирического текста знаменует открытое пространство, акцентирующее ценность свободы. Духовный полет на родину предков знаменует обретение свободы, единства со стихийной северной природой, нового источника для поэтического вдохновения: «Вторично жизнь свою занять!». Особенностью этой элегии является то, что частотное для ранней лирики личное местоимение «я» здесь ни разу не использовано: автор последовательно использует притяжательное местоимение «мой»: «Шотландии моей», «дух мой». Данная особенность раскрывает стремление лирического героя обрести единство с природой.

В элегии Лермонтова «Желание» («Зачем я не птица, не ворон степной...») мотив духовного полета и далекая родина предков также соотносятся с этической ценностью свободы. Образ парящей птицы вызывает в лирическом герое напряженную рефлексию и стремление к свободе. Формально семантика полета выражается в данной элегии анафорами, повторами, инверсией, синтаксическим параллелизмом: «На запад, на запад помчался бы я...». Кольцевая композиция лирического текста, создающаяся благодаря образу «ворона степного» и трагического вопрошания, обрамляет эпизод желанного полета на родину предков. Духовная отчизна и место фактического рождения образуют ценностную антитезу: «цветут моих предков поля» – «средь чуждых снегов»; «здесь был рожден, но нездешний душой». Хронотоп в эпизоде полета сужается: «запад», «предков поля», «в замке пустом», «на древней стене». Мотив полета в лирическом контексте неразрывно связан с мотивным комплексом эоловой арфы: «И арфы шотландской струну бы задел...». Мотивный комплекс эоловой арфы в произведении Лермонтова не оформляет диалога душ, а раскрывает трагическое одиночество души в заброшенном замке: «Внимаем одним, и одним пробужден». В элегии проявляется характерная для хронотопа лирических текстов Лермонтова особенность: душа лирического героя освобождается от власти времени, настоящего и свободно переносится в прошлое, в предвосхищаемое, желанное будущее или постигает метафизическую глубину вечности.

5. Мотив полета души (духа) включен в лирике Лермонтова в сюжеты о неразделенной любви и посмертном свидании души лирического героя с возлюбленной. Данный сюжет появляется уже на этапе поэтического становления Лермонтова и проходит через все его творчество. Так, в «Письме» («Свеча горит! Дрожащею рукою...», 1829) Лермонтова лирическая ситуация болезни и близости смерти создает условия для экспрессивного обращения к лирическому адресату – возлюбленной. Лирический герой, предвосхищая будущее, верит в бессмертие духа, который после физической смерти готов свободно странствовать: «Мой дух всегда готов к тебе летать...». В этом раннем послании также отражен мотивный комплекс эоловой арфы. Диалог души возлюбленной и «безвестного духа» осуществляется благодаря дыханию и звуку: «И звук влетит в твой удивленный слух».

Позднее, в элегии Лермонтова «Арфа» (1830–1831) мотивный комплекс эоловой арфы и мотив неразделенной любви по-

лучат трагическое образное воплощение, раскрывая, во-первых, безмолвие поэта после физической смерти, во-вторых, равнодушие лирического адресата: «Но не проснется звонкая струна». С арфой в лирическом контексте соотнесено молчание, а не духовный диалог, как в романтической традиции.

Страстность лирического героя («пламенно любил») в «Письме» Лермонтова транслируется на посмертный дух, который сохраняет связь с чувственным, телесным миром, что проявляется в метафорах, уподобляющих дух и огненную стихию: «жар дыханья», «пыхнет огнь». Образный ряд смерти в послании соединяет в себе черты античной культурной традиции («парка», «тень моя безумная») и архетипические представления о смерти, отраженные в фольклоре индоевропейских народов («потушить огонь сомкнутых глаз», «мой дом подземный», «земли немой утроба»). В послании Лермонтова с загробным будущим соотносится не душа, а дух. Дух предстает в лирическом тексте как основа жизни человека («слабеет жизни дух») и как призрак, сохраняющий доминанты внутреннего мира человека (активность, максимализм, страстность, любовь к конкретной женщине).

Сохранение страстности предвосхищаемого загробного существования «обиженной тени» проявляется и в элегическом послании «Настанет день – и миром осужденный...», где возникают экспрессивное сравнение «как червь» и глагол «прилеплюсь». Развернутое представление о страстности души в загробном мире отражено и в поздней лирике Лермонтова: «Я перенес земные страсти» («Любовь мертвеца»). Страсть оказывается для эгоцентрической души значимее райского блаженства, а мгновение разделенной любви – дороже вечности.

В элегии же Лермонтова «Сон» (1841) данный комплекс загробного свидания получает развитие в качестве новом сюжетном и композиционном решении [7, с. 211], знаменуя осуществление духовного диалога, преодолевающего расстояния, физическую смерть: «И снился мне...» – «И снилась ей...». Души героя и героини отстраняются от окружающего мира, выступают равноправными участниками диалога, что качественно отличает образный мир элегии от предшествующего развития мотивного комплекса, где доминировал эгоцентрический герой. Резкая антитеза уступает место параллелизму.

6. Лирическая ситуация медитации, в рамках которой развивается мотив духовного парения, оформляется в лирике Лермонтова благодаря созерцанию лирическим героем звездного неба (звезды), что мы видим, например, в элегиях «Звезда» («Светись, светись, далекая звезда...», 1830), «Звезда» («Вверху одна...», 1830–1831), где проявляется диалог с поэзией Байрона. Созерцание звезды укрепляет веру, надежду лирического героя, придает ему чувство духовной свободы, которое метафорически соотнесено с полетом.

С полетом души в лирике Лермонтова также связано устремление лирического героя к идеалу, что мы видим в послании «К другу» (1829), где возникает образ «дум живых». В поэзии русского романтика эпитет «живой» в дальнейшем станет постоянным, раскрывая чувство полноты бытия, максимальное проявление духовных интенций, веру в бессмертие, приобщение к вечности: «Живую душу ядом отравить» («1830 год. Июля 15-го»); «С земным небес живые звуки» («Слава», 1830–1831); «Надежд и дум его живых» (<А. Г. Хомутовой>, 1838); «В созвучье слов живых…» («Молитва» («В минуту жизни трудную…», 1839), «И все мне кажется: живые эти речи...» («Из-под таинственной холодной полумаски...» (1841). Близкое смысловое наполнение эпитета «живой» мы видим и у других русских романтиков: «Душа живая, пламень чувства…» (В. К. Кюхельбекер «Грибоедову», 1821); «Душа живая, он необоримо…» (Ф. И. Тютчев «Памяти Е.П. Ковалевского», 1868). Постоянный эпитет «живой» в русской романтической поэзии в своей образной семантике обозначает «бессмертный», «универсальный». Данный эпитет обращает к традиции псалмов, где он раскрывает источник жизни в Боге: «Жаждет душа моя к Богу крепкому, живому» (Пс. 41: 3).

В анализируемом послании Лермонтова «думы живые» противопоставлены мертвящему рассудку. Идеал в послании «К другу» созвучен концепции «невыразимого» Жуковского, представая в качестве «неизъяснимой цели»: «И я душой летел...». Анафора и параллелизм на уровне поэтического синтаксиса раскрывают силу духовного порыва лирического героя.

В стихотворении Лермонтова «Как часто, пестрою толпою окружен...» отстранение от окружающей действительности, характеристиками которой становятся дисгармоничность («пестрою толпою»), мнимость («сквозь сон», «стянутые маски»), бездуховность («образы бездушные людей», «бестрепетные руки»), становится начальным этапом духовного странствия. Лирический герой погружается в мир собственной души как в субстанциональную сферу. Внешняя какофония («при шуме музыки», «при диком шепоте», «шум толпы») противопоставлена «звукам», которые, как указывалось выше, служат откровениями идеала полноты бытия. Актуальная для ранней лирики поэта антитеза земного и горнего миров уступает место оппозиции акцидентного и субстанционального. Характерная для романтической гносеологии идея постижения макрокосмоса через погружение в глубины микрокосмоса наполняется метафизическим смыслом. Лирический герой в рамках мгновения («мига») преодолевает власть времени и пространства, возвращаясь в мир детства, обретая единство имманентного и трансцендентного миров, приобщаясь к метафизическому, вечному:

И если как-нибудь на миг удастся мне
Забыться, – памятью к недавней старине
Лечу я вольной, вольной птицей [5, с. 466].

В анализируемом лирическом тексте, как и в большинстве произведений Лермонтова, мотив духовного полета формально выражается через повтор, но не глагола, а определения, раскрывающего концепт русского национального самосознания – волю. Элегический пейзаж, мечта органично соединяют детали земного мира («сад с разрушенной тепли-

цей») и небесного («первое сиянье»), представляя абсолютный идеал полноты жизни, который соотнесен с софийным началом мироздания: «С глазами, полными лазурного огня». Лирический пейзаж воплощает представление об охранительной сфере, индивидуальном рае, который связан не только с природой, но и с духовной субстанцией: «Как свежий островок безвредно средь морей...».

7. В послании Лермонтова <М. П. Соломирской> душа лирического героя, находящегося в заключении, освобождается «волею мечты». Процесс чтения письма вызывает развернутое метафизическое сравнение:

Над бездной адскою блуждая,
Душа преступная порой [5, с. 488].

Схожие сравнения представлены и в ранней лирике Лермонтова. Так, в ранней элегии поэта «Черкешенка» (1829) впечатления лирического героя от от природы Кавказа и женской красоты сопоставляются с полетом горнего духа:

Так дух раскаяния, звуки
Послышав райские, летит [5, с. 51].

В послании <М. П. Соломирской> развернутое сравнение не только раскрывает способность бессмертной души преодолевать любые границы, но и благодатную силу духовного просветления, надежды. Как и в других произведениях Лермонтова, «мгновенье» вмещает в себя напряженный духовный опыт самопознания, преодоления пространственных и временных границ, обретения «вольности желанной».

Основные варианты мотива полета души в лирике Лермонтова часто взаимодействуют и в конкретных лирических текстах наполняются индивидуальным авторским содержанием. Пример такого взаимодействия вариантов мотива мы видим в элегии Лермонтова «Когда последнее мгновенье...» (1832), где в рамках лаконичного лирического контекста представлены образные представления о полете души после физической смерти, о ее возвращении в земной мир в качестве наказания и страсти к возлюбленной: «Тогда я буду все с тобою».

В позднем творчестве Лермонтова в контексте эстетической полемики отражена рецепция мотива духовного полета, который стал общим местом, поэтическим штампом в русской романтической поэзии: «Все в небеса неслись душою» («Журналист, читатель и писатель», 1840). В этой связи вполне закономерно, что в поздних произведениях поэта раскрытие духовной активности часто не имеет формального метафорического соотнесения с полетом, хотя бессмертная душа свободно преодолевает временные и пространственные границы: «Ветка Палестины» (1837), «Молитва» («В минуту жизни трудную...», 1839).

Выводы. Итак, в лирике Лермонтова мотив полета души раскрывает ее способность преодолевать пространственные и временные границы, утверждает этические ценности любви, свободы, веры и надежды. Мотив духовного полета соотнесен в творчестве русского романтика с мотивами загробных мытарств, сошествия в могилу, мотивными комплексами эоловой арфы, звука, диалога душ, разделенных физической смертью, образным представлением о далекой родине предков. Основными формальными средствами выражения мотива духовного полета являются лексические повторы, анафоры, синтаксический параллелизм, анжамбеманы, инверсия, фрагментарность, Полет души в художественном мире Лермонтова осуществляется в рамках онтологической горизонтали, вертикали и метафизической сферы. Мотив духовного полета оформляет лирическую ситуацию медитации, когда душа лирического героя постигает метафизическую глубину вечности, обретает чувство полноты бытия

Источники

1. Киселева И. А. Творчество М. Ю. Лермонтова как религиозно-философская система. М.: Изд-во Московского областного ун-та, 2017. 178 с. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=35147868
2. Москвин Г. В. Первый период творчества М. Ю. Лермонтова (ранняя лирика) // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2014. № 3. С. 107–115. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=22763185
3. Калашникова А. Л. Мотив парения души в любовной лирике Ф. И. Тютчева 1850–1860-х гг // Уральский филологический вестник. Сер. Русская классика: динамика художественных систем. 2015. № 3. С. 77–86. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=25080208
4. Шохина Е. В. Весенний топос русской поэзии: птицы и мотыльки // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2017. № 1 (274). С. 170–173. URL:https://elibrary.ru/item.asp?id=28912555
5. Лермонтов М. Ю. Собр. соч.: В 4 т. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1958. Т. 1. 756 с.
6. Асмус В. Круг идей Лермонтова // Литературное наследство. Т. 43/44. I. М.: Изд-во АН СССР, 1941. С. 83–128.
7. Сычева Е. О. Религиозный спор в одоевском цикле М. Ю. Лермонтова // Славянская письменность и культура как фактор единения народов России: материалы III всероссийской научно-практической конференции. Владикавказ: Изд-во Северо-осетинского государственного ун-та им. К. Л. Хетагурова, 2015. С. 209–213. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=27528504

Информация об авторе

Косяков Геннадий Викторович
Доктор филологических наук, профессор кафедры филологии, журналистики и массовых коммуникаций, Омская гуманитарная академия (644105, РФ, Омск, ул. 4-я Челюскинцев, 2а). E-mail: gen777kos@mail.ru

G. V. Kosiakov[1]
[1]Omsk Humanitarian Academy, Omsk, Russian Federation

The motif of a soul's flight in the poems by M. Yu. Lermontov

Abstract. The research is devoted to the study of artistic ontology and anthropology of the lyric poetry by M. Yu. Lermontov, to the concept of the immortal soul in the context of the main antithesis between the earthly and heavenly worlds and the desire to overcome it. The purpose of the work is a comprehensive study of different variants of the soul flight motif being a significant structural component of the narratives, the concept of the Universe in Lermontov's poems. The research is based on Lermontov's poems, on historical-literary, cultural-historical, historical-genetic methods, technologies of holistic and mythopoetic analysis.

The results consist in revealing Lermontov's innovation in the development of the soul flight motif, in its connection with the motif complexes of unrequited love, the Aeolian harp, the motif of the descent into the grave. The paper studies the originality of the composition, narratives, and chronotopes in Lermontov's lyrical texts, the lexical and syntactic embodiment of the spiritual flight motif.

It is concluded that the motif of the soul's flight reveals Lermontov's individual artistic understanding of archaic mythological and Christian ideas about spiritual substance. The motif of the soul's flight in the poems by Russian romanticist reveals his ideas about the ethical values of faith, hope, love and freedom, about the absolute ideal of fullness of Life.

Keywords: narrative, motif, concept, chronotope, mythopoetics, religiosity, romanticism, soul.

Paper submitted: May 11, 2020

For citation: Kosiakov G. V. (2020). The motif of a soul's flight in the poems by M. Yu. Lermontov. The Science of Person: Humanitarian Researches, vol. 14, no. 2, pp. 6–12. DOI: 10.17238/issn1998-5320.2020.14.2.1

References

1. Kiseleva I. A. (2017). Works by M. Yu. Lermontov as a religious and philosophical system. Moscow: Moscow Region University Publ., 178 p. (In Russian)
2. Moskvin G. V. (2014) The first period of M. Yu. Lermontov's works (early lyrics). Vestnik of Moscow University. Ser. 9. Philology, no. 3, pp. 107–115. (In Russian)
3. Kalashnikova A. L. (2015). The motif of a soul's flight in love lyrics by F. I. Tyutchev 1850–1860. Ural Journal of Philology. Ser. Russian classics: dynamics of art systems, no. 3, pp. 77–86. (In Russian)
4. Shohina E. V. (2017). Spring topos of Russian poetry: birds and moths. Izvestia of Voronezh State Pedagogical University, no. 1 (274), pp. 170–173. (In Russian)
5. Lermontov M. Yu. Collected works: In 4 v. Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ., 1958. Vol. 1. 756 p.
6. Asmus V. Circle of M. Yu. Lermontov's ideas. Literary legacy. Vol. 43/44. I. Moscow: USSR Academy of Sciences Publ. pp. 83–128. (In Russian)
7. Sycheva E. O. Religious dispute in Odoevskiy's series by M. Yu. Lermontov. Slavic writing and culture as a factor of unity of the peoples of Russia: materials of the III all-Russian scientific and practical conference. Vladikavkaz: North Ossetian State University after K. L. Khetagurov Publ. 2015. pp. 209–213. (In Russian)

Information about the author

Gennadiy V. Kosyakov
Dr. Sc. (Philology), Professor. Omsk Humanitarian Academy (2a 4th Cheluskintsev st., Omsk, 644105, Russian Federation). ORCID ID: https:
e-mail: gen777kos@mail.ru

© Г. В. Косяков, 2020